

—... Явление? — в недоумении повторил Шэнь Цинчжоу.

Чжоу Фу кивнул с предельной серьезностью.

— Но почему не рождение? — решил уточнить Шэнь Цинчжоу.

Чжоу Фу слегка склонил голову набок и с искренним любопытством спросил в ответ:

— А кому рожать?

Шэнь Цинчжоу лишился дара речи.

«И впрямь, отличный вопрос. Разве хоть один небожитель на Куньлуне обзавелся семьей? Да и в древних свитках ни разу не упоминалось, чтобы у тамошних богов были дети».

Чжоу Фу мягко улыбнулся. Забрав из рук юноши исписанные листы, он небрежно взмахнул рукавом. Бумага мгновенно обратилась в струйку сизого дыма, которая беззвучно устремилась ввысь и растаяла в небесной глубине без следа.

Лишь после этого он вновь обратился к Шэнь Цинчжоу:

— Тебе ведь наверняка известна легенда о том, как праматерь Нюйва сотворила людей?

Шэнь Цинчжоу сначала кивнул, но тут же покачал головой:

— Слышать-то слышал. Однако, как ты сам заметил, праматерь Нюйва — одна из Трех Владык, предводительница рода человеческого. Обладая божественной силой, зачем ей было лепить людей из глины?

— «У Нюйва есть тело, но кто сотворил его?» — процитировал Чжоу Фу строки из древней поэмы, уклонившись от прямого ответа. — Если праматерь вылепила плоть для других, то чьи же руки сотворили ее собственный облик?

— И чьи же? — невольно вырвалось у Шэнь Цинчжоу.

Встретившись с его полным любопытства взглядом, Чжоу Фу негромко рассмеялся:

— На самом деле предание о сотворении людей вовсе не вымысел. По крайней мере, не во всем.

Шэнь Цинчжоу подался вперед, всем своим видом прося собеседника не томить и поскорее продолжить рассказ. Чжоу Фу медлить не стал:

— Когда в небесах разверзся самый первый Небесный разлом, Си-хуан и Ва-хуан еще пребывали в мире смертных. Не только людские племена, но и само воинство богов глубоко почитало брата и сестру. Им дозволялось беспрепятственно подниматься на священный Куньлунь и являться пред очи великих владык небес. Когда этот кошмар только явился в мир, никто не ведал, как ему противостоять. В те дни каждому казалось, что Ойкумена неуклонно низвергается в пучину небытия. Пока люди и боги сообща искали способ закрыть разлом, они одновременно обдумывали пути к отступлению — пытались понять, как спасти и сберечь как можно больше живых душ. Они пытались проникнуть в первозданный Хаос, надеясь отыскать там иной, пригодный для жизни мир. Но ни смертные, ни бессмертные не могли уцелеть в той бездонной пустоте. Тогда их помыслы обратились к иному выходу: сотворить некое прибежище, способное противостоять разрушительной силе Хаоса. Тогда божественный Луу принес драгоценный камень, добытый в самом сердце Куньлуня. Сонм горных владык даровал ему свойство нерушимости, речные божества наделили способностью принимать тысячи обликов, а владыки земных недр запечатлели в нем власть держать на себе всю поднебесную твердь. И наконец, великий Си-хуан собственноручно огранил этот божественный камень, превратив его в белоснежные дощечки, которые скрепил в единый Яшмовый фолиант.

Шэнь Цинчжоу невольно прижал ладонь к животу:

— И это был Фолиант Гор и Морей?

С ростом духовных сил он все отчетливее ощущал внутри себя нечто чужеродное, но при этом неразрывно связанное с его собственной сутью. Не хватало лишь последнего толчка, чтобы высвободить эту силу из глубин духовного моря и заставить ее вновь принять облик яшмовых скрижалей.

Сохранять неизменность, являть бесконечное множество ликов, держать на себе поднебесную твердь — пока Шэнь Цинчжоу не умел пробуждать эти три великие силы. Однако теперь не составляло труда догадаться, откуда взялось его прежнее имя — Держатель Ойкумены.

— Верно, это и был первозданный Фолиант Гор и Морей, — подтвердил Чжоу Фу. — Но в те далекие времена его страницы пустовали. Он оставался лишь чудесным камнем, не более.

Шэнь Цинчжоу не просто слушал, он лихорадочно сопоставлял факты:

— Нефритовые дощечки из Царства Шаохао уберегли душу Императора Чжаоле, а те, что передал мне Синтянь, хранили в себе дух Си-ван-му. Значит, подлинное величие и незаменимость Фолианту придает именно то, что он в себе несет?

Чжоу Фу одобрительно кивнул:

— Именно так.

Шэнь Цинчжоу посмотрел на стоявшего рядом Господина Бучжоу. Он смотрел с чистотой и ясностью, подобно вечным снегам на вершинах Куньлуня:

— А я? Какова моя роль во всей этой истории?

— Не спеши, я поведаю тебе все по порядку, — с мягкой улыбкой ответил Чжоу Фу. — Когда Фолиант Гор и Морей был сотворен, возник новый спор: кому доверить его хранение? Люди и небожители сошлись в непримиримом противостоянии, и каждая сторона требовала права единолично оберегать святыню. Боги опасались, что, поскольку каждый из них оставил в Фолианте частицу своего первородного духа, людские шаманы смогут использовать эти крупницы для наведения злых чар. Перед такой угрозой низшие божества оказались бы совершенно беззащитны. Людской же род рассудил иначе: боги и без того получали от существования Фолианта слишком много выгоды. Попади он в их безраздельное владение, людям не досталось бы ничего. Распря разгоралась все жарче. Спор вели от заката до рассвета, день сменялся ночью, а ночь — новым днем, пока наконец вперед не выступила праматерь Ва-хуан. Она сказала: «Раз уж ни одна сторона не доверяет другой, давайте вручим Фолиант тому, кто будет абсолютно беспристрастен...»

— Постой! — пораженно прервал его Шэнь Цинчжоу. Он указал пальцем на самого себя, округлив глаза от изумления. — Неужели этим «беспристрастным хранителем» должен был стать я? Но я ведь всем сердцем на стороне людей!

Чжоу Фу остался невозмутим:

— Так оно и есть, но дослушай до конца. Совет праматери сочли разумным, однако где было сыскать подобного заступника? Тот, кому предназначалось нести Фолиант, должен был обладать великой силой, безупречным разумом и несокрушимой волей. Но в целом мире не существовало племени, наделенного такими дарами, кроме богов и людей. Тогда они решились на отчаянный шаг: сотворить Хранителя с нуля, подобно тому, как был создан сам Фолиант. И этот труд, разумеется, лег на плечи великой Ва-хуан.

Шэнь Цинчжоу сжал губы и затаил дыхание, боясь пропустить хоть единый звук. Чжоу Фу пристально вглядывался в его лицо, словно силясь проникнуть в самую глубь этой чисто человеческой плоти и разглядеть ее истинную суть:

— Праматерь рассудила, что всякая земная жизнь берет начало в прахе и в прах возвращается. А потому она взяла Живую глину Девяти Небес. Вода же питает все живое. Праматерь зачерпнула вод из рек Слабой, Алой, Черной, Великой, добавила к ним влагу небесную, не знавшую земли, и смешала все это с Живой глиной, чтобы вылепить совершенное тело. Возможно, поддавшись едва заметному порыву нежности, она придала своему творению облик человека. Затем она попросила бога ветра Цзибо поймать чистейший вздох заоблачной выси, а у повелителя огня Чжужуна взяла искру утренней звезды. Из этих стихий она соткала душу, способную слиться воедино с Яшмовым фолиантом. Яшма хранит в себе силу Металла, ветер

несет дыхание Дерева. Вместе с Водой, Огнем и Землей они замкнули круг Пяти Стихий. Праматерь соединила душу с телом, и новорожденное создание открыло очи на самой вершине Куньлуня, чтобы впервые взглянуть на этот мир. Богиня Си-ван-му оградила его от пяти великих бед и пяти телесных увечий; владыка Ди Цзюнь даровал ему неподвластность бегу времени; Сихэ и Чанси наделили его сиянием, затмевающим солнце и луну; великий змей Чжу Цзюинь вывел его за пределы инь и ян, освободив от уз жизни и смерти; Шанпянь даровал ему зоркость и чуткий слух, а Санлинь — ловкость и изящество движений. Все небесные чертоги осыпали его своими благословениями. И наконец, владыка Си-хуан нарек это дитя. Имя ему дали — Куньюй. Яшма священного Куньлуня.

Выходит, древнее сказание о том, как Нюйва лепила людей из глины, на самом деле повествовало о сотворении его самого.

Шэнь Цинчжоу впервые в жизни приоткрыл завесу над тайной своего происхождения, но с удивлением обнаружил, что в душе его царит полный штиль. Будто все услышанное было единственно возможной, давно известной истиной.

В памяти его невольно всплыл образ наставника — старого главы семьи Цинь, Цинь И.

Второе имя Цинчжоу — Куньюй — тоже дал ему старый учитель. Он выбрал его, вдохновившись древним выражением «осколок яшмы с гор Куньлунь», олицетворяющим благородство духа. К тому же словом «куньюй» исстари уважительно величали родных братьев: наставник всем сердцем желал, чтобы между его учениками всегда царил согласие и преданность.

Шэнь Цинчжоу оправдал эти надежды. Едва достигнув совершеннолетия, он в одиночку отправился на чужой для него Остров Мосин, чтобы предстать перед старшим братом-наставником, которого не видел больше десяти лет.

За эти годы Цинь Жуй обрел великую силу. Время не оставило следов на его лице, однако нрав его сделался скрытным и глубоким, а взгляд — вкрадчивым, словно у старого лиса, высматривающего добычу в лунном свете. Поговаривали, будто молодой преемник ни капли не походил на своего великого отца, вел праздную жизнь и не имел твердой руки. Мол, не возьми он в жены проникательную и властную женщину и не подари она ему одаренную дочь, власть в клане давно бы прибрали к рукам другие.

Однако стоило Шэнь Цинчжоу впервые взглянуть на названного брата, как он понял: все эти сплетни — пустой вздор, в котором нет ни крупинки правды.

— Так это ты — Шэнь Цинчжоу? — высокомерно спросил Цинь Жуй, восседая в кресле главы клана и чуть прищурившись.

Юноша склонился в безупречном поклоне:

— Чжо приветствует главу семьи.

— М-м, — безучастно отозвался тот. Со звонким стуком опустив крышечку на пиалу, он отвел взгляд в пустоту, словно полностью позабыв о стоявшем перед ним в глубоком поклоне юноше.

У Шэнь Цинчжоу уже затекла шея, но приказа подняться так и не последовало. Едва перешагнувший порог двадцатилетия юноша, полагаясь на свой весьма скудный жизненный опыт, пришел к выводу, что новый глава клана просто решил показать ему его место и с ходу приструнить.

Лишь спустя долгое время Цинь Жуй словно опомнился. Заметив, что неожиданный гость все еще согнут в три погибели, он с наигранным удивлением велел ему подняться и приказал слугам подать чай.

Шэнь Цинчжоу поблагодарил его. Как раз в те дни прежний хозяин Терема Черной Птицы получил назначение в Зал Подвешенного Зеркала, и Цинь Жуй, отдавая дань уважения покойному отцу, усадил на освободившееся место своего младшего брата.

С того самого мгновения, как Шэнь Цинчжоу принял ключи от Терема Черной Птицы, он раз и навсегда уяснил свое положение верного слуги клана. И хотя он не считал себя безупречным праведником, дела вел честно и никогда не опускался до халатности или обмана.

Статус младшего ученика старого мастера обеспечивал ему высокое положение. Для юного поколения клана он сделался почтенным старейшиной, пред которым они благоговейно склонялись, величая его прапрадедушкой-наставником.

Вот только дарованиями природа Шэнь Цинчжоу обделила. Говоря начистоту, возмись ты проверять способности первого встречного на улице — и девять из десяти прохожих оказались бы одареннее его, а последний в худшем случае сравнялся бы с ним в безнадежности. Теперь-то он смутно догадывался, что за этим крылась совсем иная, неведомая причина. И все же скудность врожденных талантов на долгие годы осталась его глубокой, незаживающей раной. Он не блистал ученостью, способной потрясти основы государства; не владел воинским искусством, коим умирляют мятежи; у него не было даже простого ремесла, чтобы прокормить себя. В сущности, он уступал любому простолюдину.

Цинчжоу непрестанно твердил себе одно и то же:

«Мое имя, власть, сокровища и даже крупицы духовных сил — все это милость семьи Цинь. Без клана я ничто. И если придет день расплаты, я без колебаний отдам за них жизнь».

Порой его душу точил подспудный страх: тот, кто щедро одарил его, волен в любой миг забрать свои дары обратно. Иногда... лишь изредка, в самые глухие ночные часы, он позволял себе малодушную мечту. Он грезил о том, чтобы обладать в этом мире хоть чем-то своим. Одной-единственной вещью, которую никто не посмеет отнять и никто не сможет вернуть себе по

праву господина.

Но всякий раз подобные помыслы казались ему глупыми и детскими.

«Какая нелепость... Разве в подлунном мире существует хоть что-то незыблемое? Даже великий глава клана не может поручиться, что завтра не лишится всего, чем владеет».

Шэнь Цинчжоу блуждал в лабиринтах собственной памяти, перебирая бесцельно растраченные двадцать лет жизни, пока негромкий голос Чжоу Фу не вернул его к реальности:

— А-Чжоу, ты и есть Куньюй. Создание, сотворенное волей богов и людей. Единственный истинный хранитель Яшмового фолианта.

— А я всю жизнь считал себя обычным человеком, — тихо отозвался Шэнь Цинчжоу.

— Праматерь Ва-хуан закрепила за тобой людские земли, — мягко пояснил Чжоу Фу. — Так что среди смертных ты и впрямь провел куда больше времени.

Шэнь Цинчжоу грустно усмехнулся:

— Выходит, великая богиня Нюйва приходится мне... матерью?

«Семья?.. Настоящая семья?»

— В каком-то смысле так и есть, — серьезно кивнул Чжоу Фу. — А владыка Си-хуан тогда — твой дядя. Ведь именно они вдвоем растили тебя. Знаешь, почему в поздних преданиях говорят, будто брат и сестра сочетались браком? Все из-за того, что они вместе воспитывали дитя.

«Мать и дядя...»

Неведомая мысль заставила его перестать улыбаться. Он больше не мог притворяться безмятежным; он сжал губы в тонкую, напряженную линию.

Его взрастил и воспитал клан Цинь, и до сей поры он никогда не тосковал по кровным родичам. Однако весть о том, что создателей его давно нет в живых, отозвалась в груди глухой, щемящей болью. Между ними пролегла неодолимая бездна в пять тысяч лет. Теперь ему оставалось лишь собирать крупинцы правды из обрывочных, полузабытых строк древних хроник, пытаясь отыскать в них призрачные следы тех, кто подарил ему жизнь.

Впервые в жизни Шэнь Цинчжоу ощутил, как невыносимо горько быть лишенным памяти.

«У меня ведь было все... Но я сам стер это из своего сердца».

— Их больше нет, — как можно бесстрастнее произнес Шэнь Цинчжоу. — Да и древние боги бесследно сгинули.

Чжоу Фу погрузился в раздумья, прежде чем ответить:

— Великий Си-хуан ушел в чертоги предков очень давно. Но праматерь Ва-хуан... — На его лице тоже промелькнуло замешательство. — Я не знаю, где она сейчас. Однако на закате правления Желтого Императора Хуан-ди, когда безумный Гунгун сокрушил опору небес — гору Бучжоу, праматерь определенно была жива.

Эпоху Си-хуана и время правления Хуан-ди разделяли долгие столетия. Смертный человек ни при каких условиях не сумел бы перешагнуть этот рубеж. Но в час, когда пала гора Бучжоу, Ва-хуан действительно явилась миру, чтобы переплавить пятицветные камни и залатать израненный Небесный свод над Миром Гор и Морей.

В угасающем взгляде Шэнь Цинчжоу вновь вспыхнул робкий огонек надежды.

<http://bllate.org/book/18428/1868943>